

Возможности базы данных "WHO Study on global AGEing and adult health (SAGE)" для анализа ментального здоровья пожилого населения

Научный руководитель – Калмыкова Наталья Михайловна

Кащеева Анна Михайловна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Экономический факультет, Кафедра народонаселения, Москва, Россия

E-mail: kashcheeva.msu@gmail.com

Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ментальное здоровье - это больше, чем отсутствие болезни [9]. При этом явные нарушения ментального здоровья связаны с наличием психических расстройств и расстройств поведения, а также с болезнями нервной системы. Лиц с такими нарушениями относят к группам риска суицидального поведения, бездомности, потери трудоспособности и инвалидизации, что может приводить к снижению ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), сокращению трудовых ресурсов, росту уровня преступности, а, следовательно, к росту социального неравенства и неблагополучия [2].

По данным ВОЗ, ОПЖ лиц с ухудшениями ментального здоровья в среднем на 10-20 лет ниже аналогичного показателя у лиц с отсутствием подобных нарушений. В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН, посвящённой устойчивому развитию на период до 2030 года, указано: «К 2030 году уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия» [11].

Большинство исследований ментального здоровья пожилого населения России базируются на данных когортного исследования населения стран Восточной Европы (Россия, Польша, Чехия) "Health, Alcohol and Psychosocial factors In Eastern Europe", первого межстранового сравнения по показателю ментального здоровья, включающего Россию. В этом исследовании впервые для России использованы шкалы центра эпидемиологических исследований (CES-D). В работах, опирающихся на это исследование, представлена отрицательная связь ментального здоровья и одиночества, чрезмерного потребления алкоголя и низкого уровня дохода [4, 6].

Работ отечественных авторов в данной сфере немного. Вопросы ментального здоровья рассматривались на примере здоровья детей и подростков [5]. Региональный анализ социально-экономических характеристик и ментального здоровья частично представлен в работе по Республике Удмуртия [7], а также в аналогичном исследовании по г. Архангельску [3].

В рамках когортного исследования Stress Aging and Health in Russia (SAHR) 2006-2009гг. высказано предположение об отрицательной связи накопления стресса в организме и ОПЖ [8]. Кроме того, пожилое население России представлено как группа с повышенным суицидальным риском [1].

В нашем исследовании использованы данные двух волн международного исследования пожилого населения Study on Global Ageing and Adult Health, проведенного ВОЗ в России в 2002-2004 и 2007-2010 гг., что позволило расширить региональную выборку с включением более детального набора объясняющих переменных [10]. На основе систематизации основных международных систем оценки ментального здоровья (CES-D, WHO-5 Well-Being Index, Depression Anxiety Stress Scales, The Short Depression-Happiness Scale и

др.) были выявлены 11 существенных индикаторов ментального здоровья и применена авторская методика оценки ментального здоровья, основанная на методе главных компонент (РСА). Использование этой методики позволяет увеличить долю объясненной дисперсии до 48,1%, что выше, чем при использовании показателя арифметической средней.

Эмпирическая стратегия базируется на построении эконометрической модели, в которой в качестве зависимой переменной выступает уровень ментального здоровья индивида, в качестве регрессоров - пол, возраст, наличие высшего образования, вдовство, уровень располагаемого дохода, общий уровень доверия, уровень внутригруппового доверия, наличие хронического заболевания (на примере сахарного диабета), наличие родственника, нуждающегося в поддержке (в том числе эмоциональной).

Результаты исследования подчеркивают значимую связь низкого социально-экономического статуса и ухудшения ментального здоровья; большую подверженность женского населения ухудшениям ментального здоровья по сравнению с мужчинами; положительную связь уровня доверия с уровнем ментального здоровья и благополучия.

Психические расстройства и расстройства поведения в большинстве случаев относятся к предотвратимым причинам смертности. Таким образом, выявив ключевые социально-экономические детерминанты ментального здоровья пожилого населения России, будет возможным обосновать направления улучшения качества жизни пожилого населения и рост ОПЖ. Направлением дальнейших исследований в данной области является переход от микроуровня к макро- при расчете экономического бремени класса психических и нервных заболеваний.

Источники и литература

- 1) Данилова И. (2014) Смертность пожилых от внешних причин в России // Демографическое обозрение. Том 1. No. 2. С. 57-84.
- 2) Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Книга 2; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 408 с.
- 3) Averina M., Nilssen O., Brenn T., Brox J., Arkhipovsky V.L., Kalinin A.G. (2005) Social and lifestyle determinants of depression, anxiety, sleeping disorders and self-evaluated quality of life in Russia. A population-based study in Arkhangelsk // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. Vol. 40. P. 511-518.
- 4) Bobak M., Pikhart H., Pajak A., Kubinova R., Malyutina S., Sebakova H., Topor-Madry R., Nikitin Y., Marmot M. (2006) Depressive symptoms in urban population samples in Russia, Poland and the Czech Republic // British Journal of Psychiatry. No. 188. P. 359-365.
- 5) Charman T., Pervova I. (1996) Self-Reported Depressed Mood in Russian and U.K. Schoolchildren // Journal of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 37. No. 7. P. 879-883.
- 6) Nicholson A., Pikhart H., Pajak A., Malyutina S., Kubinova R., Peasey A., et al. (2008). Socioeconomic status over the life-course and depressive symptoms in men and women in Eastern Europe // Journal of Affective Disorders. No. 105. P. 125–136.
- 7) Pakriev S., Vasar V., Aluoja A., Saarma M., Shlik J. (1998) Prevalence of mood disorders in the rural population of Udmurtia // Acta Psychiatrica Scandinavica. Vol. 97. P. 169-174.
- 8) Shkolnikova M., Shalnova S., Shkolnikov V.M., Metelskaya V., Deev A., Andreev E., Jdanov D., Vaupel J.W. (2009) Biological mechanisms of disease and death in Moscow:

rationale and design of the survey on Stress Aging and Health in Russia (SAHR) // BMC Public Health. Vol. 9.

- 9) WHO (2014) Promoting mental health: concepts, emerging evidence, practice: summary report. Geneva, World Health Organization.
- 10) WHO: Russian Federation – Study on Global Ageing and Adult Health-2002/04 (-2007/10), Wave 0 (Wave 1).
- 11) Генеральная Ассамблея ООН Резолюция 70/1 от 25.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».